

О. Ю. КЛАУТОВА

Восприятие отечественной архитектуры в Древней Руси по данным литературы XI—XIII вв.

Русская культура была прежде всего храмовой, каждое поколение строило свои храмы. Любовь к храмостроительству не случайна — она выражала глубоко религиозную идею и веру народа, решившего посвятить Богу свою землю¹.

Домонгольская архитектура рассматривается современными исследователями как самостоятельный этап развития русской архитектуры. Уже в XV в. домонгольское зодчество воспринималось как символ единой и могучей Руси, национальная святыня и образец для подражания (Аристотелю Фиорованти в качестве такого образца для строительства Успенского собора в Московском Кремле был указан соименный собор во Владимире).

X—XIII вв. — начало и стремительное развитие христианской архитектуры на Руси. Древнерусские писатели отмечали, вероятно, каждый известный им факт возведения храма и нередко давали характеристику тому или иному зданию. Таких записей сохранилось немало количество. Однако кроме подробного каталога памятников архитектуры X—XIII вв.,² составленного из свидетельств древнерусской литературы и данных археологии, обстоятельных работ на избранную тему почти нет.³

«Виною» этому, по всей видимости, краткость архитектурных описаний, хотя восприятие зданий их современниками есть одна из сторон комплексного изучения памятников архитектуры.

Действительно, в силу исторических условий, выдвинувших на первый план иные задачи, а также в силу особенностей древнерусского миропонимания в целом⁴ книжники Древней Руси не оставили трудов (подобных

¹ Симмаков Г. К. Значение Православия для русской культуры // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости 1990 № 1—2 С. 41

² Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников Л, 1982 С. 32 (Вып. Е1—47)

³ См., например Булкин В. А. Древнерусское зодчество в оценке летописи // ТОДРЛ Л, 1985 Т. 38 С. 210—214. Отдельные замечания на интересующую нас тему встречаются в общих работах по архитектуре и эстетике Древней Руси.

⁴ Савельев Л. Заметки по русской философии // Москва 1993 № 2 С. 177, А. С. Пушкин писал: «У греков мы взяли евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений» (Собр. соч. В 10 т. М., 1981 Т. 10 С. 336)

греческому экфрасису), в которых бы подробно рассматривался процесс создания и восприятия светских и церковных построек (восприятие святынь Ближнего Востока — особая тема).

Тем не менее церковная и светская архитектура постоянно была объектом их внимания, причем здания воспринимались в нескольких аспектах. Об этом и пойдет речь в настоящей статье (зависимость от жанра литературного произведения учитываться не будет).

Описаний светской архитектуры в древнерусской литературе XI—XIII вв. очень мало. В Каменце князь Владимир «създа» «столпъ камень высоту 17 сажней; подобен удивлению всъм зрящим...»,⁵ в Берестии же «създа стлпъ камень высоту яко и Каменецкый»,⁶ в Киеве «над горою, дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ камень»,⁷ «Изяславу съдѣшу на сенѣхъ с дружиною своею, начаша прѣтисѣ съ княземъ, стояще долѣ, а кнѣзю изю оконца зрящю...».⁸

Чаще всего светские постройки просто упоминаются, поскольку типы зданий, их функциональное назначение были хорошо известны современникам и достаточно устойчивы. Однотипные сооружения мыслились схожими по форме и влекли за собой вполне определенный образ. Поэтому для древнерусских писателей гражданская архитектура — это прежде всего фон, обозначение места, на котором разворачиваются исторические события. Князь Ростислав, например, «повелѣ изюимати Новгородци и уметати е у Пересѣченьскый погребъ»,⁹ место Гай «устроено различнымы хоромы».¹⁰

Образ древнерусских теремов доносят до нас русские былины. Это несомненно не описания конкретных построек, но народная память сохранила воспоминания о богатом убранстве и изысканности отделки теремов и палат, «светлых гриден»: «Три терема златоверховаты, да трое сеней косящетых, да трое сеней решетчатых»; «белокаменные палаты» и «златоверхие терема» упоминаются в былинах о Василии Буслаевиче.¹¹ О «златоверхом тереме» князя Святослава Всеволодовича говорится в «Слове о полку Игореве». Открытые археологами остатки теремов подтверждают их богатое убранство.¹² Не требовал разъяснения и тип церковного здания, с которым хорошо был знаком древнерусский человек, постоянно посещавший храм. Поэтому, повествуя о строительстве церкви, писатель отмечал лишь сам факт ее возведения, используя устойчивое фразеологическое клише: «в то же лето заложи церковь» с указанием названия храма, материала, из которого он сооружен, иногда — с краткой характеристикой ее особенностей, изредка — имени зодчего (мастер Петр, «хитрец» Авдей) и имени заказчика. «Князь же Андрѣй самъ у Володимири заложи церковь камяну святой Богородици месяца априля въ 8 день на святого апостола Родиона въ вторникъ...».¹³ Многие сооружения известны лишь по таким — и еще более кратким — летописным сообщениям.

⁵ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 925.

⁶ Там же. Стб. 927.

⁷ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 40.

⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 160.

⁹ Там же. Стб. 511.

¹⁰ Там же. Стб. 908.

¹¹ Про Саловья Будимеровича // Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. М., 1977. С. 12; Василий Буслаевич // Новгородские былины. М., 1978. С. 20—21.

¹² Килиевич С. Р. Детинец Киева IX—перв. пол. XIII вв. Киев, 1982. С. 107 и др.

¹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 491.

«Храмы в Древней Руси имели огромное значение. Они были не только главной святыней города,¹⁴ но и символами гражданской жизни. „Постоять за Софию“, как впоследствии в Московском государстве за „дом Пречистая Богородицы“, значило постоять за свою родину, за ее целостность и независимость. Храм в глазах наших предков был живой благодатной силой. Этой силе они приписывали все свои удачи, победы над врагами, избавление от бедствий. Как место, посвященное Богу, храм считался неприкосновенным убежищем: там часто находили себе защиту спасавшиеся от буйства мятежной толпы. Но прежде всего храм был убежищем веры и благочестия, главным просветительным и образовательным центром».¹⁵ Так, в соборную церковь святой Богородицы в Ростове приходили послушать «учения» епископа Кирилла «еже от святыхъ книг».¹⁶

Однако тема храма как просветительного центра, как «убежища веры» широкого развития не получила. О соответствующих чувствах к храму как к Дому Божию мы можем судить по косвенным фактам. Так, древнерусский писатель уверен, что красота храмов, выстроенных Андреем Боголюбским, способствовала обращению язычников в христианство: «...и крестятъся и болгаре, и жидове, и вся погань, видивше славу Божию, и украшение церковное!».¹⁷ Князь Владимир Святой распорядился внести в Месяцеслов день освящения десятичной церкви Успения в Киеве, а сам Киев посвящает Божией Матери, которая принимает Русскую землю в свой удел: «Предаль люди твоя и градъ святей всеславнии Богородици, скорей на помощь христианомъ. Еи же и церковь на Великихъ вратехъ създа въ имя перваа господьскааго праздника, святааго Благовещения. Да еже целование архангелъ дасть девици, будет и граду сему. К оной бо: „Радуйся, обрадованаа, Господь с тобою!“, къ граду же: „Радуйся, благоверный граде, Господь с тобою!“».¹⁸ Почти в тех же самых выражениях написал летописец и о городе Владимире: «...преда люди твоя и городъ святѣй славнии и скорѣй на помощь христианомъ Богородици, да еже целование архангелово дасть Богородици, будеть и городу сему. Ко оной бо: „Радуйся, обрадованаа, Господь с тобою!“, к городу же: „Радуйся, благовѣрный городе, Господь с тобою!“».¹⁹

Город, таким образом, воспринимался Иларионом и вслед за ним неизвестным летописцем как организм почти антропоморфный (митрополит Иларион пишет: «...и в лепоту одели святые церкви»,²⁰ т. е. храмы облеклись в красоту, как люди в богатые и красивые одежды). К городу обращаются с эпитетами «славный» и «благоверный», призывая его радоваться Божией милости. Это неудивительно, ибо город стал средоточием христианства, нового образа жизни, культуры, красоты. Нередко строительство храмов сопровождалось чудесами. О небесных знамениях, предшествовавших строительству Успенского собора в Киево-Печерском монастыре, повествует Киево-печерский патерик.

Строительство храмов — заслуга, неизменно выделяемая летописцем в характеристике того или иного князя (Ярослава Мудрого, Андрея Боголюб-

¹⁴ Новгород считался домом св. Софии, Псков — св. Троицы, Москва — Успения, Тверь — Спаса.

¹⁵ Хитров М. С. Святый благоверный великий князь Александр Ярославич Невский: Подробное жизнеописание с рисунками, планами и картами. М., 1893. С. 42—44.

¹⁶ ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Стб. 458.

¹⁷ ПЛДР: XII в. М., 1980. С. 334.

¹⁸ Иларион, митрополит. Слово о законе и благодати // Молдован А. М. Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984. С. 97—98.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 923.

²⁰ Иларион, митрополит. Слово... С. 93.

ского, Рюрика Ростиславича, который имел «любовь несытну о зданьих»). Это понятно, так как «изучение памятников русского зодчества домонгольского периода (X—XIII вв.) и сопоставление этих памятников со сведениями письменных источников показывают, что постройка каменно-кирпичных зданий была в то время очень дорогостоящим предприятием, доступным лишь князьям и высшим церковным иерархам».²¹

Князь-строитель и построенная им церковь могли сравниться с царем Соломоном и святая святых: князь Андрей «уподобися царю Соломану, яко домъ Господу Богу и церковь преславну святыя Богородица Рожества посредь города камену создавъ в Боголюбомъ и удиви ю паче всихъ церквий; подобна тоѣ святая святых, юже бѣ Соломонъ царь премудрый создалъ...».²² Таким сравнением конечно необыкновенно повышался престиж князя и значимость возводимой им постройки. Церковь св. Апостолов в Белгороде «в дивь удобрене, по приточнику, глаголящему: „вся добра возлюбленная моя, и порока нѣсть в тебе...“».²³ По свидетельству жития, Авраамий Смоленский украшал церковь «яко невесту красну же... иконами, и завесами, и свечами».²⁴ Здесь легко угадываются параллели с библейскими текстами, но дальнейшего развития они не получают.

Роль князя в строительстве храма не сводилась, видимо, только к финансированию. Так, «описывая построение собора (Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. — О. К.), летописец добавил фразу о том, что князь Святослав создал эту церковь „чюдну резаным каменем, а сам бе мастер“». Конечно, князь не сам руководил строительством храма, но, видимо, его роль была все же большей, чем роль обычного заказчика, весьма вероятно, что скульптурное убранство действительно было исполнено по личному указанию князя».²⁵

Храмы на Руси выполняли и меморативную функцию. Храм — это памятник делам князя и ему самому, так как церковное здание очень часто становилось усыпальницей. О Боголюбском храме сказано, что князь Андрей «створи церковь сию в память собѣ».²⁶

В построенной им самим церкви нашел последнее пристанище князь Святополк, которого «положиша въ церкви святаго Михаила, юже бѣ самъ создалъ».²⁷ В 1125 г. Мономах умер, находясь «на Лтъ, у милое церкве, юже созда потщаньем многым».²⁸

В описаниях зданий неизменно присутствует интерес к тому, что и как сделано, т. е. к материально-технической стороне увиденного (в русских народных сказках мы находим тот же интерес к вещественной, материальной стороне дела. Описания очень красочны, живописны: корабль Василия Буслаевича имеет паруса полотняные, «бецевки шолковы», «кровать слоновых костей», обитая «дорогим сукном» и покрытая «белым бархатом»,²⁹ и т. д.). Утилитарная оценка архитектуры — существенный компонент в создании образа, без нее невозможно овеществление и конкретизация художественного восприятия памятника на ином уровне перцепции.

²¹ Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. СПб., 1992. С. 20.

²² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 581.

²³ Там же. Стб. 706.

²⁴ ПЛДР: XIII в. М., 1981. С. 94 и др.; Древнерусские предания. М., 1982. С. 87.

²⁵ Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. С. 101.

²⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 581.

²⁷ ПВЛ. Ч. 1. С. 196.

²⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 295; Летопись по Воскресенскому списку отмечает: «Престави же ся на Лтъ у любовныя ему церкви» (ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 26).

²⁹ Про Василия Буслаевича // Новгородские былины. М., 1978. С. 130.

Так, образ здания создавался путем подробного, можно сказать, восхищенного описания богатой утвари и интерьера. При этом неторопливая, торжественная речь рассказчика подчеркивала красоту и значимость описываемого объекта. Епископ Кирилл в Ростове «украши святую церковь святых Богородица иконами многоцѣнными, ихже нѣсть мощи и сказати; и спред полы рекше пелены; причини же и кивота 2 многоцѣнна; и индитью многоцѣнну доспѣ; на святеи трапезѣ ссуди ж и рипидьи, ино много множество всяких узорочей; причини же двери церковныя прекрасны, яже наричются Златыя, сущая на полуденьной странѣ, паче же наипаче внесе в святую церковь кресты честныя, многы мощи святыхъ в раках прекрасныхъ в заступленье и покровъ и утверженье граду Ростову, и христоролюбцю князю Василкови, и княгинѣ его, и сынови его Борису, и всемъ вѣроу приходящимъ въ святую церковь».³⁰ Красота и благолепие храма достойны удивления не только сами по себе, они служат свидетельством христоролюбия и щедрости князя. «Красота храма и богослужения имели неотразимую прелесть для нашихъ предков. Потому-то они „вельми болезновали духом, зря подписаниемъ неукрашену церковь“. Понятно, что всякое построение и украшение храма было важнымъ событиемъ жизни, в высшей степени занимало всех и каждого — от князя до простолюдина — и соединяло всех в чувстве радости и умиления. Ко дню освящения все спешили во вновь построенный и украшенный храм и испытывали высокое духовное наслаждение, „видяще превеликое создание церкви и многочисудную подпись воистину мнящесе яко на небеси стояти“».³¹

Ростовчане, например, приходили в соборную церковь Богородицы не только послушать епископа Кирилла, но и «хотяще видѣти украшенья... бысть убо украшенье ея чудно»,³² а сама она «дивная» и «великая», «якоже не было николиже ни будет».³³ Церковь мучеников Бориса и Глеба в Новгороде «горазда бо бяше и лѣпа».³⁴ Дмитриевский собор во Владимире характеризуется так: «...чюдно велми, иже бѣ извну камень той около всея церкви рѣзан, и врѣхъ ея позлати».³⁵ О Софии Киевской митрополит Иларион написал: «...яже церкви дивна и славна всемъ округнимъ странамъ, яко же ина не обрящется въ всемъ полунощи земнеемъ, отъ вѣстока до запада...».³⁶ Перекликается с этой характеристикой отзыв летописца о церкви Михаила Архангела в Смоленске: «...нѣсть в полунощной странѣ, и всимъ приходящимъ к ней дивитися изряднѣи красотѣ ея».³⁷ Церкви Апостолов в Белгороде посвящены следующие строки: «...высотю же и величествомъ и прочимъ украшениемъ всемъ в дивь удобренѣ...».³⁸ III Новгородская летопись отмечает, что возведенная каменная церковь св. Софии «вельми прекрасна и превелика».³⁹ Епископ Ефрем в Переяславле (Хмельницком) создал церковь Архангела Михаила «велику сущю и пристрою в нѣи велику створи, украсив ю всякою красотою».⁴⁰ Князь Даниил «созда» «церковь превелику во градѣ Холмѣ во имя пресвятыя

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 458.

³¹ Хитров М. С. Святой благоверный... С. 42—44.

³² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 458.

³³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 512.

³⁴ ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. Стб. 57.

³⁵ ПСРЛ. Т. 7. С. 118.

³⁶ Древняя русская литература. Л., 1981. С. 31.

³⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 703—704.

³⁸ Там же. Стб. 706.

³⁹ ПСРЛ. Т. 3. Стб. 211.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 200.

приснодевыя Мария величествомъ, красотою не мене сущихъ древнихъ». ⁴¹ «Градъникъ» Миронег в Вышгороде в 1026 г. «възгради цѣркви велику»; ⁴² город же Владимир «величествомъ акы вѣнчемъ обложень». ⁴³ Также и «славный градъ» Киев «величѣствомъ, яко венцемъ обложилъ». ⁴⁴

«Высота» и «величество» — вот основные черты, выделяемые писателем в описании здания или городской панорамы в целом. Это наиболее известные признаки, позволявшие выделить объект из ряда ему подобных, однотипных. Высота была отличительной чертой сказочных теремов; с точки зрения высоты, величины оценивались и природные объекты. ⁴⁵ Эти отличия, сразу бросавшиеся зрителю в глаза, позволяли охватить здание одним взглядом, не дробя образ на мелкие детали. «Яко един камень» — выразит позднее этот зрительный образ летописец. ⁴⁶ Пристрастное отношение к «величеству» и «высоте» может быть связано со славянским «исконным представлением о красоте как просторе земном, а потом распространенном и на простор поднебесный». ⁴⁷

Останавливало взор и многоглавие храмов. Построенная в 989 г. первым новгородским епископом Иоахимом дубовая церковь св. Софии в Новгороде «имущи верховъ 13». ⁴⁸ В 1185—1189 гг. Успенский собор во Владимире основательно перестраивается — завершение его становится многоглавым, что сразу же отмечается летописцем: «пристави к ней четыре верхи и позлати ю». ⁴⁹

Высоко ценились такие качества, как сила, крепость: «Князь же Андрей бѣ городъ Володимѣрь силу устроилъ, к нему же ворота золотая доспѣ, а другая серебрянъ учини» ⁵⁰ (в былине о Волке Всеславьевиче «ворота у города железны, крюки-засовы все медные»; в другой былине о городе говорится, «что стоит он широкими рвами окопавшись, земляным валом огородившись»). ⁵¹ Золотые ворота были и в Киеве. Традиция эта шла из Византии. Но в этом видится не только преемственность столичных городов, свидетельство их значимости, но и отношение к золоту и серебру как носителям реальных эстетических ценностей, которое было распространено в древнем мире повсеместно. ⁵²

⁴¹ Там же Стб 845

⁴² Успенский сборник XII—XIII вв М, 1971 С 61

⁴³ ПСРЛ Т 2 Стб 923

⁴⁴ Иларион, митрополит Слово С 97

⁴⁵ Бычков В В Русская средневековая эстетика XI—XVII вв М, 1992 С 117, «русские люди искони связывали понятие о красоте здания с его высотой чем выше, тем красивее» (Красовский М В Очерк истории московского периода древнерусского церковного зодчества (от основания Москвы до конца перв четв XVIII в) М, 1911 С 118)

⁴⁶ ПСРЛ М, Л, 1949 Т 25 С 324

⁴⁷ Кузьмичев И К Лада, или Повесть о том, как родилась идея прекрасного и откуда русская красота стала есть Эстетика Киевской Руси М, 1990 С 98

⁴⁸ ПСРЛ Т 3 С 208

⁴⁹ ПСРЛ М, 1965 Т 30 С 77

⁵⁰ ПСРЛ Т 2 Стб 582 О традиции устройства Золотых ворот см Комеч А И Древнерусское зодчество конца X—нач XII в М, 1987 С 234

⁵¹ Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым С 43, Липец Р С Древняя Русь и эпос М, 1969 С 45

⁵² Кузьмичев И К Лада С 118, «Красивое, кроме того — это богатое в восхищении редкими вещами, и особенно редкими материалами, сказывался и эстетический вкус Люди Средневековья больше восхищались естественными свойствами природных материалов, чем достоинствами работы художника Анонимное произведение середины XII в „Чудеса Рима“ (Mirabilia Romae) в первую очередь рассказывает о золоте, серебре, слоновой кости, драгоценных камнях Общим местом в литературе, будь то исторические сочинения или романы, было описание или даже просто перечисление богатств Константинополя, представлявших большой соблазн для христиан В жесте „Паломничество Карла Великого“

С такой точки зрения становится ясным стремление строителей вызолотить архитектурные детали, насытить храм драгоценной утварью: красота еще не отделилась от богатства. Князь Андрей Боголюбский «украси» Успенский собор во Владимире «всими различными видами» «от золота и серебра и 5 вѣрховъ ея позолоти», и «комары позолоти, и поясъ златомъ устрои, каменемъ усвѣти, и столпъ позлати и изовну церкви и по комаромъ...».⁵³

Церковь Рождества Богородицы в Боголюбове «удиви» «свѣтлостью же нѣ како зрѣти, зане вся церкви бяше золота».⁵⁴ Церковь в «некоемъ месте именемъ» Гай «предивна красотою сияющи».⁵⁵ В этих летописных записях красота тесно связывается не только с золотом (которое в иконописи символизировало свет), но и со «светлостью», светом. Это представление шло из языческой древности и было характерно для всего средневековья в целом.⁵⁶ Сами слова «красота», «красный» первоначально означали «светлый, яркий, блестящий, огненный» и находились в родстве со словами «крѣсь», «огонь».⁵⁷ Близость красоты и света находим и у митрополита Илариона в «Слове о Законе и Благодати»: «Виждь же и градъ величствомъ сияюще, виждь церкви цветущи, виждь христианство растуще, виждь град иконами святыихъ освещаемъ и блистающесе...».⁵⁸ Так немногими словами создается образ богатой световой насыщенности. В данном случае у митрополита Илариона — вольно или невольно — стыкуются представления о физическом свете и свете духовном, о красоте как свете и свете христианства, осиявшем Русскую землю.⁵⁹

С древним представлением о красоте как добре, благе смыкается характеристика церкви святых Апостолов в Белгороде, которая «в дивь удобрѣнь».⁶⁰

Еще одна особенность древнерусского восприятия — отношение к архитектуре как к живому, развивающемуся организму, подобному человеческому телу. Здание имеет «главу» и «шею» (барабан под главой), «пазухи» (паруса под барабаном), «плечи» (своды), «пояс» (срединное членение), над окнами, как над глазами, делали «бровки». Напольная стена псковского Крома носила название «перси», т. е. грудь города.

повествуется о том, что западных людей поражали прежде всего колокольни, орлы, „сверкающие мосты“. Во дворце они обращали внимание на столы и стулья из чистого золота, на богатую стенную роспись, на огромную залу, свод которой поддерживался столпом черногого серебра, окруженным сотней мраморных колонн, отделанных золотом. Красивым считалось разноцветное и блестящее, а чаще всего еще и богатое» (Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 315—316). В статье «„Злато и Сребро“ в эпоху „Слова о полку Игореве“» Т. И. Макарова пишет: «В эпосе всех народов золото — символ власти» (в кн.: «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 372). Может быть, поэтому золочение архитектурных деталей, драгоценная утварь и оклады, т. е. драгоценные металлы и камни, которые скапливали в своих сокровищницах земные владыки, считались единственно достойными Владыки Небесного — Иисуса Христа. См. также: Аверинцев С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973. С. 43—52.

⁵³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 582.

⁵⁴ Там же. Стб. 581.

⁵⁵ Там же. Стб. 908.

⁵⁶ Ж. Ле Гофф пишет: «Красота воспринималась как свет, который успокаивал и ободрял, являлся знаком благодетельства» (Ле Гофф Ж. Цивилизация... С. 313). В сказках нередким было обращение с добавлением «свет»: «свет-батюшка», например.

⁵⁷ Кузьмичев И. К. Лада... С. 111.

⁵⁸ Иларион, митрополит. Слово... С. 98.

⁵⁹ О свете как модификации прекрасного см. подробнее: Бычков В. В. Русская средневековая эстетика. С. 123 и др.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 706.

А. И. Комеч так пишет о первоначальном виде Софии Новгородской: «Первоначальный облик собора был несколько иным, более сложным по характеру. Стены оставались неоштукатуренными до середины XII века. Грубой каменной кладке розовая цемянка и гладкая затертость поверхности придавали удивительную живописность и вибрацию, растворявшие излишнюю массивность форм. Фаски вокруг камней, орнаментальная роспись под квадратную кладку и кладку с утопленным рядом (апсиды и барабаны малых глав), радиальная аккуратная кладка арочных проемов пронизывали зрительно движением единую литую оболочку здания. Они не выделяли в ней структурный костяк, а, наоборот, подчеркивали ее текучую природу, способность к непрерывному преодолению и огибанию. Живой ритм цветной оболочки здания снимал холодную отчужденность камня, вызывая удивительное ощущение ее ремесленной сотворенности, округлости, своеобразной очеловеченности».⁶¹

Об этом же свидетельствует и сам язык: «...глагол създати имел первоначальное конкретное значение „слепить из глины“... В одном из азбукоников XVII в. читаем: „Здание еже есть глинянь сосудъ или храмина“ (пример взят О. Н. Трубачевым из картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв.); иначе говоря, слово „здание“ первоначально могло обозначать все слепленное из глины, начиная от посуды и кончая постройкой, домом...».⁶²

Средневековый русский человек осмысливал здания — творение рук человеческих — как продолжение живой нерукотворной природы. Поэтому древнерусские зодчие и достигли таких высот в создании гармоничных природно-архитектурных ансамблей.

Знаменитый арабский путешественник и писатель X в. Абуль-Хасан-Али ибн-Хусейн (Аль-Масуди) в сочинении «Золотой луг» описывает языческие славянские постройки и при этом отмечает, что располагались они, как правило, на возвышенных местах среди живописной природы.⁶³ Так что древнерусские зодчие шли традиционным путем в сочетании архитектуры и природы. Храмы города Холма были построены в месте, которое было «красно и лѣсно на горѣ»,⁶⁴ в Холме же князь Даниил посадил «садъ красень».⁶⁵ Князь Георгий Всеволодович построил град Китеж на озере Светлояре, «бе бо место то велми прекрасно, и на другом же брезе езера того роща дубовая».⁶⁶

Загородные дворцы князей часто называли «красными», т. е. красивыми, не только потому, что они были красиво построены, но и потому, что располагались в красивых местах. У князя Юрия под Киевом были Красные дворы, один из которых он сам назвал «Раем»;⁶⁷ князь Всеволод поставил в Выдубичах красный двор, а у князя Мстислава было место Гай «красно вѣдѣниемъ и устроено различными хоромы, церкви же бяше в немь предивна красотою сияюща».⁶⁸

«Князья любили соединять в своих загородных жилищах все удобства для жизни, какие представляло то время: недаром они называли их „раем“,

⁶¹ «Комеч А. И. Древнерусское зодчество... С. 249.

⁶² Сведения взяты из работы: Горбаневский М. В., Дукельский В. Ю. По городам и весям «Золотого кольца». М., 1983. С. 131.

⁶³ См.: Кузьмичев И. К. Лада... С. 181.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 842.

⁶⁵ Там же. Стб. 845.

⁶⁶ Бычков В. В. Русская средневековая эстетика. С. 156.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 489; ПВЛ. Ч. 2. С. 424.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 908.

„красным селом“ и т. п. Княжеский терем, от которого теперь не осталось никаких следов, со множеством пестрых узорчатых украшений, с позолоченным гребнем и смотревшими в разные стороны коньками на его концах, с резными карнизами представлял весьма красивый вид. Внутри терема особенным убранством отличались сени, или столовая комната, где происходили пиршества. Полы устилались дорогими коврами, а стены расписывались. „Хорошо терема украшены“ — говорится в старинной песне.

На небе солнце — и в тереме солнце,
 На небе месяц — и в тереме месяц,
 На небе звезды — и в тереме звезды,
 На небе зори — и в тереме зори,
 Все в тереме по-небесному»⁶⁹

Поражает настоящий космизм этого былинного описания — терем как будто впитывает в себя окружающее пространство и, не теряя своих материальных очертаний, растворяется в нем.

Красота терема сливается с красотой небесной. Здесь то же ощущение красоты как необъятного пространства, насыщенного светом, воздухом, цветом. «Издrevле храм и изба строились по образу Ноева ковчега — корабля спасения — и Вселенной. Три двери в храме, двускатная крыша в избе. Мир горний в красном углу. Солнце — очаг, матица — Млечный путь. Подобно древнему Ною, человек брал к себе в избу животных. ...се кораблец мой тонет, — взывает оставленный без дома, семьи».⁷⁰

Красота как пространство лучше всего ощущается в описаниях городских панорам. Древнерусский писатель нечасто описывал городской пейзаж в подробностях. Но если ему приходилось сталкиваться с такой задачей, он использовал прием, который можно назвать «нанизыванием», когда перечисляемые предметы словно нанизываются на невидимую нить. Вот, например, описание построек в Холме, пострадавших от пожара в 1259 г. Здесь в движении разворачивается панорама города: церковь св. Иоанна, «вежа», «сад красен», церковь святых «безмездников», «столп красен» с изваянным на нем каменным орлом. В описании церкви св. Иоанна, которая была «красная» и «лѣпая», ряд необычных деталей также словно нанизан на невидимую нить: «...зданье же еѣ сиче бысть: комары 4, с каждо угла преводѣ; и стоянье ихъ на четырехъ головахъ человецкихъ изваяно отъ нѣкоего хытрѣчь; окна 3 украшена стеклы Римьскими; входящи во олтарь стояста два столпа от цѣла камени; и на нею комара и выспрь же вѣрхъ украшенъ звѣздами златыми на лазурѣ; внутренни же еи помость бѣ слить от мѣди и от олова чиста, яко блестятися, яко зерчалу; двѣри же еи двоя украшены каменьемъ Галичкымъ бѣлымъ и зеленымъ Холмьскимъ, тесанымъ, узоры тѣ некимъ хытречьмъ Авдьемъ; прилѣпы от всѣхъ шаровъ и злата, напреди ихъ же бѣ издѣланъ Спасъ, а на полуношнихъ святой Иванъ, якоже всимъ зрящимъ дивитися бѣ; украси же иконы, еже принесе ис Кыева; каменьемъ драгымъ и бисеромъ златымъ...».⁷¹ Этот прием нанизывания дает писателю возможность дотошно пересчитать конструктивные элементы (4 комары, 2 столпа), перечислить использованные материалы, детали интерьера, драгоценную утварь. Создается впечатление не только материальности,

⁶⁹ Хитров М. С. Святой благоверный С. 39—40

⁷⁰ Антонов М. Ф. Семья — малая церковь // Русский вестник М., 1991 11 сент № 21 С. 14

⁷¹ ПСРЛ Т. 2 Стб. 843—844. О возможности реконструкции перекрытий церкви Иоанна Златоуста в Холме и соотнесения ее с определенной архитектурной школой по летописным описаниям см. Иоаннисян О. М. Основные этапы развития галицкого зодчества // Древнерусское искусство М., 1988 С. 54—56

добротности здания, но и его красоты. Пространное описание памятника рождает ощущение длительного восприятия здания — во времени и пространстве, словно летописец неспешно проводит читателя по храму, обращая его внимание на наиболее интересные детали. Общая оценка — церковь «красная» и «лѣпая» — есть сумма этих многих впечатлений. Отличается это описание и цветоносностью: цветные витражи («стеклы Римские»), золотые звезды на лазури, разноцветные металлы (медь, олово, золото), драгоценные камни и золотой бисер, белый галицкий камень и холмский зеленый, «прилепы» всех цветов. Такой вот богатой цветовой палитрой пользуется писатель для воссоздания образа прекрасного храма. Традиция многоцветного украшения храма шла из древности. В уже упоминавшемся трактате Масуди «Золотой луг» есть такое описание храма славянских язычников: «Еще другое здание имели они на горе, окруженное морским рукавом; оно было построено из красного коралла и зеленого смарагда. В его середине находился большой купол, под которым находился идол, коего члены сделаны из драгоценных камней...».⁷²

Описание церкви св. Иоанна — достаточно упорядоченное описание, отражающее реальное соотношение архитектуры, скульптуры, иконописи, предметов декоративно-прикладного искусства, учитывающее и цветовые соотношения. Хотя за конкретностью живого восприятия общий облик здания теряется, это не простая фиксация объекта, но полноценный для своего времени образ прекрасного здания, данный через эмоциональное переживание человека.

Необычное сравнение употребляет летописец в отношении высокой башни («вежа высока»), которая «создана же сама древомъ тесанымъ и убѣлена яко сыръ, святящися на всеи стороны...».⁷³ Белая, как сыр, башня, видная со всех сторон, легко вписывается в окружающий ландшафт, становясь архитектурной доминантой.

Подведем итоги. Итак, описание памятников архитектуры в древнерусской литературе характеризуется следующими чертами:

— Средневековый русский писатель воспринимал сооружение в нескольких аспектах: историческом, идейном, техническом и эстетическом.

— Богословская трактовка храмовой архитектуры (храм — Дом Божий, которому следует поклоняться, и т. д., т. е. то, что будет четко сформулировано, например, у Иосифа Волоцкого) и символическое толкование архитектурных деталей развития не получили. На то были особые причины. Византийское учение об образе и храме было глубоко усвоено и органично вошло в духовный опыт Древней Руси. Однако становление собственного духовного опыта в первые века после принятия христианства лишь начиналось и было направлено на решение иных проблем (например, для древнерусской духовности актуальной становится тема христианской любви, внедрение заповедей любви в повседневную жизнь. Поэтому такое развитие получает житийная литература, где опыт жизни по этим заповедям предстал во всей конкретности).

— Пространность характеристик памятника архитектуры варьируется от краткой констатации факта его существования до достаточно подробного описания, т. е. от утилитарной оценки до художественного образа.

— Краткая запись о строительстве здания передавала его внешний облик в самом общем виде. Это, скорее, протокольная фиксация, не включающая

⁷² Кузьмичев И. К. Лада. С. 182

⁷³ ПСРЛ. I. 2. Стб. 843—844

в себя художественные критерии и не учитывающая индивидуальные особенности здания. Здесь дается понятие о церкви или ином сооружении, полученное путем выделения наиболее существенных черт, которые, в принципе, могли быть приложены к другому зданию того же типа.

Такой прием литературного абстрагирования имел свои истоки. Так, в эпоху средних веков в искусстве важны были «отношения не между визуально воспринимаемыми формами, а между некими значениями, которыми наделялись материальные структуры». Важна была поэтому идеальная модель, а не конкретные формы. «Отступления от идеальной формы, вызванные условиями преходящего бытия, попросту игнорировались».⁷⁴

— Неизменно привлекает внимание писателя материально-техническая сторона строительства (как и из чего сделано, указание на некоторые конструктивные детали), что было характерно для средневекового восприятия в целом.

— Эстетическая оценка сооружения чаще всего сводилась к утверждению того, что здание красиво. Древнерусский книжник «использовал определенные словесные формулы для передачи своего эмоционального состояния, которые были достаточны для средневекового читателя и говорили ему значительно больше (в силу устойчивости ассоциаций), чем человеку нашего времени».⁷⁵ Феномен красоты не анализируется, но эмоционально переживается — приходящие к церкви «дивятся» ее красоте, у них не хватает слов, чтобы выразить свое восхищение, для них нет ничего прекраснее этого храма во всем «полунощии земнеем». О сильном эмоциональном переживании увиденного говорят и употреблявшиеся слова и выражения: глаголы «удивлять», «восхищать», «дивиться»; эпитеты «горазда», «лепа», «чудна», «дивна», «прекрасна», «вельми прекрасна», «чудно вельми», «славна»; выражения «якоже не было николиже не будет», «несть мощи и сказати», «в див удобрена» (здесь понятие красоты тесно связано с понятием добра, что вообще характерно для древнерусского сознания).

Иногда писатель отмечает то, чем привлекательно здание (архитектурные детали и предметы декоративно-прикладного искусства). Но и в этом случае он не описывает их подробно, а скорее перечисляет, как в описи, хотя и здесь интонации восхищения явственно ощутимы. Однако это восхищение мастеровитостью ремесленника при молчаливо подразумеваемом высшем авторе и источнике всякой красоты — Творце.⁷⁶

Красота и богатство тесно связаны в восприятии объекта. От количества драгоценной утвари зависит во многом красота интерьера, ибо ценятся в первую очередь естественные свойства материала, а уж потом произведение искусства как таковое.

— Экстерьер здания воссоздавался несколькими техническими деталями (размеры, количество глав, материал, наличие декора). Образ же здания возникал из описания внутреннего убранства и через зрительскую оценку объекта и создавался стилем повествования и приемами описания. Поэтому реальный облик здания может быть реконструирован лишь в самых общих чертах.

— Строительная терминология носила образный характер и свидетельствовала, что в сознании древнерусского человека архитектура выступала в тесной связи с природой.

⁷⁴ Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. С. 25—26.

⁷⁵ Бычков В. В. Русская средневековая эстетика. С. 121.

⁷⁶ Об отношении средневекового ремесленника к изготавливаемой им вещи см. подробнее: Харитонович Д. Э. Средневековый мастер и его представление о вещи // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 24—39.